

А. М. Лукашевич

КНЯЖЕСТВО ВАРШАВСКОЕ КАК ВОЕННЫЙ ФОРПОСТ ФРАНЦИИ В 1810–1812 гг.: ПО ДАННЫМ СЛУЖБ РАЗВЕДКИ И КОНТРРАЗВЕДКИ

В статье раскрывается процесс сбора и анализа российскими службами разведки и контрразведки информации о внутреннем состоянии Княжества Варшавского и его вооруженных силах в 1810–1812 гг. Делается вывод, что объем и качество информации о Княжестве Варшавском вполне соответствовали истинному состоянию дел. Отмечается, что данные разведки оказали значительное влияние на принятие российским руководством военно-политических решений накануне войны 1812 г.

Ключевые слова: Княжество Варшавское; Российская империя; Французская империя; война 1812 г.; наполеоновские войны; разведка; вооруженные силы.

Сведения об авторе: Лукашевич Андрей Михайлович, доктор исторических наук, профессор кафедры истории Беларуси нового и новейшего времени, Белорусский государственный университет; 220030, Республика Беларусь, г. Минск, пр. Независимости, 4; e-mail: lukashevand@mail.ru.

Andrei M. Lukashevich

DUCHY OF WARSAW AS A MILITARY FORPOST OF FRANCE IN 1810–1812

The article reveals the process of collection and analysis by the Russian intelligence and counterintelligence services of information about the internal state of the Duchy of Warsaw and its armed forces in 1810–1812. It is concluded that the volume and quality of information about the Duchy of Warsaw was quite consistent with the true state of affairs. It is noted that intelligence data had a significant impact on the adoption of military-political decisions by the Russian leadership on the eve of the war of 1812.

Keywords: The Principality of Warsaw; Russian empire; French Empire; the war of 1812; Napoleonic Wars; intelligence service; military establishment.

About the author: Andrei M. Lukashevich, Doctor of History, Professor of the Department of Modern and Contemporary History of Belarus, Belarusian State University, Minsk, Belarus.

В начале XIX в. «польский вопрос» являлся одним из наиболее сложных во взаимоотношениях европейских государств. Умело играя на противоречиях между Россией, Австрией и Пруссией, Наполеон I, с одной стороны, использовал «польский вопрос» для достижения своих

гегемонистских амбиций, а с другой стороны, – давал полякам надежду на восстановление Польского королевства в границах 1772 г.

Логическим результатом такой политики стало создание в 1807 г. по условиям Тильзитского мира Княжества (Герцогства) Варшавского. Оно представляло собой полузависимое от Саксонского королевства государство. Поскольку саксонский король Фридрих Август I являлся и князем Варшавским, то внешнюю политику княжества осуществлял саксонский министр иностранных дел. После войны 1809 г. территория Княжества Варшавского увеличилась почти в два раза за счет присоединения большей части австрийской Галиции.

Провал «брачного союза» с Россией и заключение аналогичного союза с Австрией, а также аннулирование согласованной «польской конвенции» (конец 1809 – начало 1810 гг.), обусловили изменение взглядов Наполеона на Княжество Варшавское: с 1810 г. оно рассматривалось как вероятный военный форпост Франции на востоке.

Эта новая роль княжества нашла отражение 16 марта 1810 г. в докладе министра иностранных дел Франции Шампаньи «Взгляд на дела континента и сближение России с Великобританией» [Шильдер 1905: 477-483]. В нем отмечалось, что союз с Россией вступил в свою последнюю фазу и война с ней неминуема. Поэтому необходимо создать антироссийскую коалицию. В числе верных союзников Франции Ж. Б. Н. Шампаньи называл Княжество Варшавское. Он высказался за необходимость объединения всех частей Польши, что позволило бы создать на Висле первый «оппозиционный барьер» против России. При этом сама «Польша» должна использоваться как звено в традиционном для французской внешней политики блоке, состоящем из Турции (Османской империи), Швеции и Польши. Однако подобное решение «польского вопроса», по мнению Е. И. Федосовой и В. Г. Сироткина, было отклонено Наполеоном I [Федосова 1980: 121; Сироткин 1966: 167].

Определенные изменения, которые произошли в подходах Франции к «польскому вопросу», не остались незамеченными российскими разведчиками. В мае – июне 1810 г. российский посол в Париже князь А. Б. Куракин сообщал, что Франция постепенно восстанавливает свою старую политическую линию – союз со Швецией, и подчеркивал особую активность наполеоновского правительства в Стокгольме и Варшаве [Федосова 1980: 122].

О планах Наполеона I создать «санитарный кордон» из Шведского и Польского королевств, говорилось и в аналитической записке, составленной в 1811 г. в Военном министерстве [Отечественная война (5): 161-162]. Однако подобная комбинация не удалась из-за нежелания Швеции следовать в фарватере французской внешней политики.

Тем не менее, с 1810 г. в российском военном ведомстве Княжеству Варшавскому уделялось пристальное внимание. Поскольку в

княжестве не было военного агента, военный министр М. Б. Барклай де Толли возложил сбор разведывательных данных на сотрудников тактической разведки. Они осуществляли свою деятельность с территории западных (белорусско-литовских и украинских) губерний. Разведывательную работу с агентами направляли резиденты на границе (М.-Л. де Лезер, А. Врангель, И. Вульферт, братья А. К. и К. К. Гирсы, И. И. Турский), а также белостокский и брестский коменданты (К. П. Шиц и В. А. Анохин) [Лукашевич 2012: 146-178].

Российская агентура вербовалась среди жителей пограничных районов из самых различных слоев общества, однако ее основной контингент составляли евреи западных губерний (среди них было много двойных агентов). Изредка к агентурной работе привлекались гражданские чиновники и отставные офицеры, выезжавшие за границу, а также подданные других государств. Впрочем, большинство агентов доставляло информацию, которая нуждалась в перепроверке. Это осознавали командиры воинских соединений, дислоцированных в приграничных губерниях (П. Х. Витгенштейн, И. Н. Эссен и др.), а также лица, занимавшиеся организацией разведки на границе. Перепроверка сведений, полученных из-за границы, осуществлялась по двум каналам: через дезертиров и с помощью других агентов. Однако утверждать, что после подобной проверки сведения на все 100% были достоверными, никто из командующих войсками на границе не брался [Лукашевич 2012: 146-178].

Тем не менее, разведчиками были получены или составлены интересные документы, позволяющие проанализировать состояние дел в Княжестве Варшавском. К ним следует отнести «Краткую записку о настоящих действиях в княжестве Варшавском», составленную в декабре 1810 г. генералом Д. С. Дохтуровым на основании различных разведсведений [Отечественная война (1): 307-308, 309-316]. Некоторый интерес представляют анонимные записки о положении Княжества Варшавского («Записка о положении Герцогства Варшавского в ноябре 1810 г.», «Записка о польской агитации в Волини и Подолии в 1811 г.», «О крепостях в герцогстве Варшавском», «Записка о положении политических и военных дел в герцогстве Варшавском», «Записка неизвестного автора – мемуар о состоянии Варшавского княжества» [Отечественная война (1): 285-288; Отечественная война (5): 147-148, 157-158, 158-162; АВПРИ: 1-16].

Положение дел в Княжестве Варшавском уточнялось и корректировалось с учетом сведений других агентов. В частности, использовались донесения «одного надежного человека» графа П. Х. Витгенштейна (находился в княжестве «довольно долгое время» и был в «разных местах оного»). 7 декабря 1811 г. его сведения были пересланы военному министру [Отечественная война (5): 42-43; РГВИА: 440-441]. Состояние дел в княжестве весной 1812 г. показано на основании

донесений белостокского мещанина, «жестяных дел мастера» Штара. 15–23 марта он совершил секретную поездку в Варшаву по заданию С. А. Щербинина. 25 марта отчет о поездке Штара был переслан правителем Белостокской области генералу И. Н. Эссену [Отечественная война (7): 133-136].

Кроме того, уникальными являются «Сведения о положении дел в герцогстве Варшавском, пред войной 1812 г.» неизвестного автора, датированные 1811 г. [Отечественная война (5): 151-157]. В этом документе приводится подробная характеристика боевых и личных качеств генералитета Княжества Варшавского. Сведения о командном составе польской армии уточнялись по данным, полученным 8 февраля 1812 г. «знакомым» генерала И. Н. Эссена. Этот «почтенный обыватель» княжества имел деревни «как в российском», так и в «цесарском кордоне» [Отечественная война (6): 123]. Во многом характеристика личных качеств генералов армии Княжества Варшавского в этих документах совпадает.

Итак, что же представляло Княжество Варшавское в видении российского военного командования?

Внутреннее положение Княжества Варшавского. Положение княжества определялось той ролью, которая отводилась ему Наполеоном I. Поскольку это государство превратилось в плацдарм для нападения на Российскую империю, внутри страны много внимания уделялось контролю за *настроениями граждан*. «В Герцогстве Варшавском, – сообщал военному министру 22 мая 1810 г. полковник К. П. Шиц, – строго запрещено и даже в церквях опубликовано, чтобы никому не осмеливаться говорить о политике. Один солдат в нетрезвом положении публично говорил, что они все пойдут до Вильно и далее; за это тотчас отдан под военный суд и расстрелян в пример другим» [Отечественная война (1): 101].

Несмотря на запреты и наказания, слухи о приближающейся войне будоражили княжество. 10 октября 1810 г. белостокский комендант сообщал, что в Варшаве «и по сие время там гласно толкуют, что непременно будет с Россией война» [Отечественная война (1): 262, 316-317]. Эти же сведения подтверждали и другие информаторы.

Тяготы жизни в Княжестве Варшавском увеличивались от нехватки средств в государственной казне, что остро сказывалось на гражданской и военной сферах. При этом состояние дел в княжестве зависело от тех лиц, которые им управляли. Поэтому российская разведка получила любопытную характеристику членов Совета министров. В «Записке о состоянии Польши» (1811) приводятся интересные подробности о личных качествах министров и их влияния на дела. В частности, дается подробная характеристика председателя Совета министров Станислава Потоцкого (1809–1813), министра юстиции графа Феликса Лубенского (1807–1813), министра внутренних дел Яна

Лусчевского (1807–1812), министров полиции графа Александра Потоцкого (1807–1811) и Игнацы Соболевского (1811–1813), государственного секретаря маркиза де Брезе [Отечественная война (5): 151-155; Отечественная война (3): 316-319].

В свою очередь, в «Мемуаре о состоянии Варшавского княжества» неизвестного автора (вероятно жителя Варшавы) [АВПРИ: 1-16] приводятся интересные сведения о *финансовом положении* этого государства (о состоянии дел в почтовом ведомстве, таможенной системе и др.). В частности, в документе отмечалось: «Все отрасли финансов, частью по неведению, а частью по любостяжанию, весьма худо управляются, и потому со всех мест ничего не значущие суммы доставляются. <...> В Таможнях и при акцизах, кои весьма увеличены, очевидны и самые грубые делаются обманы, и они могут тем менее приносить дохода, что все промыслы и без того уже остановились» [АВПРИ: 2-2 об.]. По мнению автора «Мемуара», не принесли существенных доходов ни казенные имения, ни гербовая бумага. Поэтому он делал вывод, что «управляли доходами столь неискусно и столь бессовестно» [АВПРИ: 3-3 об.].

О том, что это была истина, свидетельствует характеристика министров финансов, приведенная в «Записке о состоянии Польши». В ней отмечается, что наибольшая чехарда в Княжестве Варшавском наблюдалась среди министров финансов: Тадеуша Дембовского (1807–1809) сменил Ян Венглинский (1809–1810), а того – Тадеуш Матушевич (30 сентября 1810 – май 1813). По мнению автора Записки, в министерстве процветало казнокрадство, поэтому и расстройство в финансах было «ни мало неудивительно» [Отечественная война (5): 153-154; Отечественная война (3): 318-319].

Не лучше обстояли дела и с *управлением расходами*, «кои вверены людям самым жадным и самым бессовестным» [АВПРИ: 4-4 об.]. Не удивительно, что при таких обстоятельствах денег в запасе не было, а потому «ни гражданским, ни военным служителям за несколько месяцев не было выдаваемо жалованье» [АВПРИ: 4 об.].

Неизвестный автор «Мемуара» также сообщал о постоянно растущем бремени налогов и податей в княжестве, которые шли преимущественно на укомплектование армии. Все это вело к разорению помещиков и мещан. Как свидетельствовали агенты, население Княжества Варшавского было недовольно «бесчисленными податями», но еще больше – «случайными, чрезмерными истребованиями правительства, часто превозвышающими доходы имений». Все эти поборы шли на содержание армии, которая в отношении мирного населения часто вела себя не «по-джентельменски» [АВПРИ: 4 об.-6].

В целом, к 1811 г. государственный долг Княжества Варшавского вырос до 55,5 млн злотых, что равнялось годовому доходу казны [Федосова 1980: 141; Grochulska 1966: 183]. Положение пытались спа-

сти путем выпуска бумажных денег, однако ощутимых результатов эта мера не дала. Получить заем за границей также не удалось. Ситуацию стремился исправить саксонский король и князь Варшавский Фридрих Август I (за счет отдачи займы доходов от своих имений), однако также не очень успешно [АВПРИ: 6-7, 15-15 об.].

Несомненно, что в таких тяжелых экономических условиях росло недовольство населения. Впрочем, общего ропота в Княжестве Варшавском не было [АВПРИ: 13-14; Отечественная война (6): 124], хотя жители часто сожалели «о правительстве австрийском и прусском» [Отечественная война (1): 314; Отечественная война (8): 196].

О *политических настроениях* в Княжестве Варшавском сообщали дипломаты, военные, чиновники и агенты. Общий лейтмотив донесений сводился к тому, что поляки крайне недовольны своим положением и *ожидают только войны*. Именно с войной они связывали свои надежды на восстановление Польского королевства.

Так, майор Мариупольского гусарского полка Лесовский, проводивший 20 сентября 1811 г. в Дрогичине расследование факта нарушения границы неким Солтыком, сообщал: «При великой бедности обывателей деньгами, сколь хлебом, и дороговизны сего продукта, чрезвычайное прение в мыслях людей войсковых, которых одно желание, обнаруживающееся на всяком их шагу, атаковать как наискорее наши войска и перейти пределы России» [Отечественная война (4): 255].

О воинственных настроениях, царивших в Княжестве Варшавском, сообщал и российский посол в Саксонии В. В. Ханьков. Он отмечал, что все только и ждут войны. Если выиграет Франция, то Россия потеряет свои польские провинции и «Польша» будет восстановлена. Если же победит Россия, то княжество перейдет под скипетр русского царя, а они (поляки), предпочтут такое решение вопроса настоящему положению вещей [Федосова 1980: 134].

Негативное отношение обывателей Княжества Варшавского к России и их воинственные настроения усилились в начале 1812 г. Как сообщал 8 февраля 1812 г. генерал И. Н. Эссен, польские офицеры и нижние чины с началом войны надеялись получить «троекратное награждение» (за счет грабежа). Поэтому в армии был распушен слух, что «Наполеоном приказано генералам в российских и прусских границах делать что хотят, кроме добра». «Необузданная вольность питает нижних воинских чинов сладчайшею надеждою», – резюмировал И. Н. Эссен [Отечественная война (6): 124].

Итак, поляки ожидали, как образно выразился французский резидент в Варшаве, когда Наполеон произнесет «святое слово – Польша» [Instrukcje (2): 51]. О том, что «всеобщее желание есть, чтобы польский край и имя поляков были бы возобновлены», сообщал и информатор И. Н. Эссена [Отечественная война (6): 124].

С подобным положением дел в Княжестве Варшавском смирился и российский император. В одном из писем послу в Париже князю А. Б. Куракину (1812) он с прискорбием констатировал: «Война стала их первой необходимостью, их самым большим интересом» [цит. по: Федосова 1980: 134-135].

Военные ресурсы княжества. Наряду с дипломатической подготовкой к войне с Россией, Наполеон I вел активные военные приготовления. В этих планах важная роль отводилась Княжеству Варшавскому и его вооруженным силам.

После окончания войны с Австрией (1809) Наполеон I принял энергичные меры по организации армии Княжества Варшавского: уже 30 ноября 1809 г. между Францией и Саксонией была заключена конвенция об увеличении армии княжества до 60 тыс. солдат.

Кроме того, в 1810 г. император расширил военно-политические задачи, которые ставились перед французскими резидентами в Варшаве. Они были сформулированы в инструкции Л. П. Э. Биньону (назначен в декабре 1810 г.). Среди важнейших задач значилось: укрепление боеспособности княжества; налаживание разведывательной службы для сбора информации о пограничных районах России; усиление пропаганды на территории княжества и установление нужных контактов с людьми [Instrukcje (1): 290-293].

Наполеон требовал от резидентов большей активности, оперативности, точных и обстоятельных сведений о состоянии вооруженных сил княжества. С сентября 1810 г. резидент должен был ежемесячно представлять сведения: о состоянии армии Княжества Варшавского (воинские части, склады оружия, госпитали и т. д.); количестве оружия; обороноспособности крепостей Прага, Сероцк и Модлин [Федосова 1980: 136]. Причем сведения следовало собирать скрытно, поскольку «Польша – это страна, где из всего делают шум» [Instrukcje (1): 248].

Российская разведка также следила за состоянием вооруженных сил Княжества Варшавского, изучала его военный потенциал (численность, дислокацию, структуру войск).

По данным разведки, в 1810 г. в Княжестве Варшавском было 6 главных военных округов, в каждом из которых состояло по 6 полков. Согласно данным Д. С. Дохтурова, в декабре 1810 г. армия княжества насчитывала более 50 000 войск (пехота, кавалерия и артиллерия). Кавалерия состояла из 8 уланских, 3 драгунских, 2 гусарских и 1 кирасирского полков. Расположение этих войск было следующее. В Варшаве находилось 6 тыс. человек, в Модлине – 3 тыс., в Замостье – 2 тыс., в Ревашове – 1500, Тимашеве – 1500. Все остальные войска располагались в трех департаментах и в «разных по границе местечках и селениях» [Отечественная война (1): 75].

В течение 1810 г. из разных источников поступала информация об увеличении численности армии Княжества Варшавского. Так, если

Д. С. Дохтуров оценивал польские вооруженные силы в 50 тыс. человек, то белостокский комендант К. П. Шиц, сообщал о 100 тысячах. 8 декабря 1810 г. он писал М. Б. Барклаю де Толли, что «с нового года будет в Герцогстве Варшавском прибавлено еще 25 000 пехоты и кавалерии так, чтобы составляла вся армия их числом 100 000, которая разделится на три части, из коих две будут действовать, а третья резервная» [Отечественная война (1): 316].

Наиболее полная информация о структуре и вооружении польских войск содержится в рапорте капитана А. И. Нейгардта от 7 февраля 1811 г.: «... Войско Герцогства Варшавского состоит из 16 полков пехоты, из стольких же полков конницы и нескольких рот конной и пешей артиллерии, и разделяется на 4 дивизии. В числе конных полков 2 гусарские, т. е. золотые и серебряные гусары, несколько егерских, а прочие уланы» [Отечественная война (2): 52].

С начала 1812 г. в Княжестве Варшавском началось размещение французских войск. Это не осталось незамеченным, и в разведдонесениях все больше внимания стало уделяться передислокации войск [Отечественная война (6): 124-125]. Сообщалось и о возвращении весной 1812 г. польских частей из Испании.

4 февраля 1812 г. Наполеон I отдал приказ об увеличении численности польской пехоты. Министр иностранных дел Ю. Б. Маре подготовил проект конвенции по этому вопросу и послал ее резиденту в Варшаве. Конвенция, заключенная 25 февраля 1812 г., вводила новые батальоны за счет Франции. Одновременно в княжество направлялись французские военные специалисты, которые инструктировали польские войска [Instrukcje (2): 46]. Поэтому весной 1812 г. в Княжестве Варшавском был проведен новый набор, и к началу войны с Россией польская армия насчитывала уже около 90 тыс. человек.

Относительно дислокации польских войск весной 1812 г. поступали противоречивые сведения [Отечественная война (7): 134-135]. До середины мая 1812 г. пять дивизий княжества были сосредоточены около Варшавы. После 13 мая начали поступать сведения, что польские войска пришли в движение [Отечественная война (8): 95, 79].

16 мая 1812 г. о том же сообщал генерал-майор И. Д. Иловайский 4-й (нес службу на границе). Его информаторы утверждали, что все пять польских дивизий «придвинулись к границе и расположились от нее не далее 4–5 миль». 1-я дивизия (Я. Домбровского) расположилась в Высоко-Мазовецке, 2-я (Ю. Зайончека) – в Зомброве, 3-я (Я. Конопки) – в Острове, 4-я (А. Рожнецкого) – в Снядове, 5-я (М. Каминского) – в 2 милях от Пяткова Двора и в Ломже [Отечественная война (8): 79]. Атаман М. И. Платов немедленно проинформировал об этом военного министра, однако отметил, что информация о передислокации – это слухи, и их необходимо перепроверять [Отечественная война (8): 109].

Проверить информацию удалось только через десять дней, 26 мая 1812 г., с помощью «белостокских евреев, имеющих в заграничном местечке Тикочине приятельство и родственников». От них было получено «достоверное сведение», что «из польских войск находится в Остроленке уланский полк князя Радзивилла и сам Радзивилл; а, начиная от Остроленки налево, в местечках Бродах, Венгерове, Калучине, Целехове и Пулавах расположены польские полки уланские и гусарские, но многого числа войск нет; а по слухам находятся оные при Висле». Таким образом, первоначальные сведения оказались не совсем достоверными [Отечественная война (8): 248].

Определенные данные имелись у российской разведки и относительно *системы комплектования польских войск*. Как отмечали агенты, формирование армии Княжества Варшавского шло полным ходом. Так, 2 декабря 1810 г. Д. С. Дохтуров сообщал, что «с прошлого года некомплектные полки вновь дополняются вербованием и частью отпущенных из каждой роты, по 10 чел. Но ныне делаются приготовления к формальной конскрипции, самопоспешнейшим на французском порядке описанием способных к тому людей, от 18 до 40 летнего возраста из христиан и евреев. <...> Одно дворянство изъемлетсЯ из оногo, но по востребованию правительства обязано на своем иждивении служить в национальной кавалерии» [Отечественная война (1): 312].

В январе 1812 г., по данным полковника И. О. Де Витта, приступили к формированию ополчения («земского войска») в Люблине и других городах княжества. При этом каждый мещанин от 15 до 50 лет должен быть вооружен, и нести обязанности воинской службы (содержать городовые караулы, и др.). Кроме того, по всему Княжеству Варшавскому был отдан секретный приказ, чтобы «каждый крестьянин имел непременно косу или пику» и был в полной готовности [Отечественная война (6): 126].

Интересная информация, поступавшая в российское Военное министерство, касалась *высшего командного состава армии* Княжества Варшавского. В лучшую сторону характеризовались военный министр князь Юзеф Понятовский, дивизионные генералы Ян Домбровский, Станислав Фишер и Александр Рожнецкий, в худшую – Юзеф Зайончек [Отечественная война (5): 155-156; Отечественная война (3): 319-321; Отечественная война (6): 123-124].

Что касается бригадных генералов армии Княжества Варшавского, то неизвестный автор разделил их на три группы: тех, кто достиг этих чинов по заслугам (В. Аксамитовский, М. Гауке, князь А. Сулковский, Ю. Хлопицкий, Я. Володкович); тех, кто получил чины благодаря своему богатству и знатности (М. Грабовский, С. Потоцкий, Н. Брониковский, Л. Каменецкий, К. Гебдовский); и тех, кто служил с Наполеоном (В. Красинский, С. Мельжинский, М. Сокольницкий,

К. Турно и Д. Дзевановский) [Отечественная война (5): 156-157; Отечественная война (3): 321].

В документах также приводилась характеристика старших офицеров (37 полковников) [Отечественная война (5): 157; Отечественная война (3): 321] и их полномочий. «Полковники имеют власть неограниченную в рассуждении производства и отставки офицеров и в наблюдении над ними строжайшей дисциплины по службе, от чего корпус офицеров весьма хорош; но многие из них крайне разоряются введенною пышностью в мундирах и протчем военном убранстве. Солдаты [довольно] обучены и храбры» [Отечественная война (5): 157; Отечественная война (3): 321-322].

Не осталось без внимания разведки *материальное и техническое обеспечение польских войск*. Как свидетельствовали агенты, Наполеон I уделял много внимания обеспечению армии Княжества Варшавского. «Мое желание, – писал 10 июля 1810 г. император военному министру А. Кларку, – иметь в этой стране как можно больше оружия для того, чтобы в случае необходимости население могло вооружиться» [цит. по: Федосова 1980: 136]. При этом император не только высказывал пожелания, но и принимал энергичные меры по усилению боеспособности польской армии: на вооружение и строительство укреплений ежегодно планировалось выделять по 1 млн франков [Федосова 1980: 137].

Кроме того, в октябре 1810 г. Наполеон I подарил саксонскому королю 30 тыс. ружей для дальнейшей передачи их польскому правительству. А чтобы этот шаг не был расценен Россией как подготовка к войне, император просил Ж. Б. Н. Шампаньи придать «подарку» вид «покупки» оружия Фридрихом Августом I [Федосова 1980: 136-137]. Однако этот шаг не остался незамеченным со стороны российской разведки, о чем 7 февраля 1811 г. сообщил капитан А. И. Нейгардт [Отечественная война (2): 52].

Что касается *снабжения кавалерии лошадьми*, то оно осуществлялось преимущественно из России. Вот что об этом сообщал генерал Д. С. Дохтуров в декабре 1810 г.: «Для польских войск вообще в кавалерию покупают лошадей в России, посредством российских поляков, прогоняя их тайно чрез границу. Частью встречаются целые эскадроны, составленные из одних российских лошадей. Кожы вообще, а также сабли, палаши и холст большею частию получаются из России. Ружьями и пистолетами снабжаются войска из бывших прусских arsenалов, а сукном и прочими вещами из немецкой земли. Часть войск не имеет еще ни лошадей, ни оружия, но стараются со всевозможною деятельностью о вооружении их» [Отечественная война (1): 312-314].

О хорошем состоянии кавалерийских частей сообщал в феврале 1812 г. полковник И. О. де Витт [Отечественная война (6): 126], «корреспондент» генерала И. Н. Эссена [Отечественная война (6): 123] и

неизвестный автор «Мемуара» [АВПРИ: 10 об.-11]. При этом последний обращал внимание на то, что армия Княжества Варшавского «против числа народа несоразмерно велика» [АВПРИ: 10-10 об.].

Обеспечение армии *денежными средствами* также осуществлялось за счет привозной монеты. Как сообщало большинство агентов, в Княжестве Варшавском «никаких иных денег нет, кроме российской серебряной монеты и весьма малою частью прусских талеров и дидок. Слух носится, что к новому году (1811. – А. Л.) изданы будут польские ассигнации и монеты» [Отечественная война (1): 312-314].

Что касается *продовольствия войск*, то агенты отмечали, что форсированная и интенсивная подготовка к войне всей тяжестью ложилась на плечи народа: его положение было крайне тяжелым, а казна истощена.

В декабре 1810 г. генерал Д. С. Дохтуров по этому поводу писал: «По пресечении контрибуций, истребуемых воинскими командами, с 1 октября составлено комиссариатское исполнительное ведомство. Окружные комиссары по-прежнему истребуют запасы от помещиков, под опасением смертной казни, и выдают квитанции, к коим вообще малое имеют доверие». С 1 января 1811 г. поставки в магазины должны были производиться подрядчиками. Главные магазины следовало сохранять в неприкосновенности, а войска должны были довольствоваться «по французскому положению местными магазинными ключниками, которые, получая провиант от помещиков или подрядчиков, отпускают оный войскам на всякие пять суток». Вообще в магазинах имелся запас на 2–3 недели. Наиболее крупный магазин находился в Люблине (до 10 тыс. корцев муки). Еще один магазин был в Рыбашеве (20 верст от российской границы), куда свозилось продовольствие из Краковского и Люблинского магазинов [Отечественная война (1): 312-314].

В целом, снабжение армии продовольственными и материальными запасами было головной болью не только польского правительства. Наполеон I неоднократно выражал свое недовольство состоянием войск княжества, считая, что ресурсы поляков позволяют обеспечивать 70-тысячную армию [Федосова 1980: 137].

Информатор генерала И. Н. Эссена в феврале 1812 г. сообщал: «Весь край, по правому берегу Вислы лежащий, совершенно разорен; уверяют, что не токмо в сене, но даже в соломе недостаток, по той будто бы причине милиция занимает пограничный кордон, линейные войска все за Вислою» [Отечественная война (6): 124]. В марте 1812 г., по сведениям Штара, «все хлебные запасы как у купцов, так и у помещиков взяты в казну и опечатаны и за оные заплачено им ныне только третья часть денег, а остальные обещаны после войны» [Отечественная война (7): 135-136].

Для *перевозки военных грузов* в Княжестве Варшавском предусматривалась новая повинность. О ней 24 декабря 1811 г. писал граф

П. Х. Витгенштейн: «... чтобы непременно были готовы по первому повелению в каждых 4-х домах по одной лошади, а с пятого дома один обыватель за фурмана» [Отечественная война (5): 79].

Каково было *моральное состояние польских войск*? Несмотря на видимое благополучие среди солдат и офицеров Княжества Варшавского существовало недовольство, вызванное задержкой выплаты жалования [АВПРИ: 11 об.-12]. О зреющем недовольстве в польской армии писали многие агенты. Так, в декабре 1810 г. генерал Д. С. Дохтуров доносил: «По крайнему недостатку герцогства в деньгах, войска не получили еще жалованья за три трети, а офицеры, для получения одной трети, должны отказываться от части других» [Отечественная война (1): 312-314]. О том же сообщал 7 февраля 1811 г. капитан А. И. Нейдгардт: «Большая часть войск по шести и более месяцев не получала жалование» [Отечественная война (2): 53].

Отсутствие денег у солдат часто вело к разбоям, грабежам и дезертирству (в Австрию, Пруссию и Россию). От массовых побегов польских солдат не спасали даже «чрезмерные вольности и преимущества» [Отечественная война (1): 312-314]. Основными причинами дезертирства являлись непосильные тяготы крепостных работ и рекрутские наборы. Об этом свидетельствовали сами беглые [Отечественная война (5): 43].

В марте 1812 г. агент Штар доносил, что после прибытия курьера из Парижа в Варшаве распространился слух, что Наполеон I, «уничтожив будто бы наименование герцогства Варшавского, повелел именоваться оному впредь Королевством Польским, что было причиною необыкновенной радости между военными». По словам агента, солдаты «пили даже и по улицам, крича что есть мочи: Виват Император Наполеон! Виват Польское Королевство!» Причем, по слухам, польским королем планировалось сделать эрцгерцога Карла, чему противилась Россия. Это и есть причина будущей войны [Отечественная война (7): 135-136]. И в связи с предстоящим походом, по словам Штара, «солдатам дана чрезвычайная воля, пьют сколько хотят, и пьяные ходят смело не только мимо своих офицеров, но и генералов, не снимая пред ними фуражки и не уступая им даже дороги». При этом в трактирах все офицеры «ни о чем более не говорят, как о войне, о которой твердят также беспрестанно и пьяные солдаты» [Отечественная война (7): 133-134].

Однако пьяные разговоры не всегда соответствовали реальным настроениям в войсках. Согласно агентурным данным, среди офицеров также зрело недовольство, несмотря на массовую раздачу казенных волостей в Галиции. Наибольшее беспокойство у них вызывала отправка польских войск в Испанию (от каждого полка по 50 человек), откуда многие возвращались калеками [АВПРИ: 11-13; Отечественная война (1): 312-314; Отечественная война (6): 126]. Поэтому нередко в знак протеста офицеры выходили в отставку.

Кроме того, российская разведка особое внимание обращала на *крепостное строительство*. Под пристальным надзором находились как новые крепости и укрепления княжества, так и старые, подлежащие реконструкции.

В частности, в донесении отставного капитана В. И. Крона, завербованного белостокским комендантом, сообщалось: «... в Герцогстве Варшавском продолжается крепостная работа, как-то: в Праге, а особенно вокруг Варшавы, а также по некоторым местам берега р. Висла, в Остроленке, Сероцке, делают укрепления» [Отечественная война (2): 245-246]. Примерно такую же, но более подробную, информацию представил 2 декабря 1810 г. генерал Д. С. Дохтуров. Согласно его сведениям, поляки в спешном порядке укрепляли Прагу, Модлин, Сандомир и Замостье.

18 сентября 1810 г. в распоряжение российского командования поступил точный план Праги (предместье Варшавы), составленный В. И. Кроном [Отечественная война (2): 245-246]. О работах в Праге в декабре 1810 г. Д. С. Дохтуров сообщал следующее: «К состоящим из кронверка укреплениям Праги с крайнею поспешностью пристроятся горнверки и флешы и в два ряда делаются батареи, для чего срываются дома обывательские. Рвы не широки, но могут быть наполнены водою наравне с рекою» [Отечественная война (1): 312-314]. К февралю 1812 г., по сведениям И. О. де Витта, Прага «укреплением почти окончена» [Отечественная война (6): 126-127].

В декабре 1810 г. Д. С. Дохтуров сообщал о строительстве новой крепости в Модлине, «местоположение коей весьма способствует укреплениям». Кроме того, в Сероцке был «устроен сильный тет-де-пон», однако «циркумвационная линия города ... по великому протяжению своему вокруг горы, очень слаба» [Отечественная война (1): 312-314]. В феврале 1812 г. информатор генерала И. Н. Эссена сообщал: «Крепость Модлин не токмо еще не окончена, но даже не скоро может быть приведена в оборонительное состояние. В Праге и в Сероцке кроме *tet de pont* нет никакого укрепления» [Отечественная война (6): 124]. В свою очередь, И. О. де Витт сообщал, что на строительных работах в Модлине задействовано почти 32 тыс. польских войск, а руководит ими французский инженер генерал [Отечественная война (6): 126].

Поступала информация и о реконструкции крепостей в Сандомире и Замостье [Отечественная война (1): 312-314]. О состоянии крепости в Замостье в декабре 1810 г. подробно сообщал генерал Д. С. Дохтуров [Отечественная война (2): 308]. Вообще, этой крепости уделялось первостепенное значение, поскольку в ней постоянно находился генерал-квартирмейстер польской армии С. Фишер. По данным В. И. Крона, он на протяжении нескольких месяцев контролировал все строительные работы [Отечественная война (2): 245-246]. В феврале

1812 г., по сведениям И. О. де Витта, на работах в этой крепости было задействовано 6 тыс. человек [Отечественная война (6): 126-127].

Не остались без внимания российских разведчиков и *тайные военные рекогносцировки*. Поскольку Наполеон I особое внимание уделял разведке, то одной из главных задач французского резидента в Варшаве стало создание разведывательного бюро. Оно должно было заниматься сбором сведений о Российской империи. Кроме того, в 1810 г. в Варшаве была создана специальная группа во главе с полковником Ф. Пашковским, которая занималась составлением военно-стратегической карты западных губерний России.

Неудачи в организации постоянной разведслужбы послужили причиной отставки французского резидента в Варшаве Ж. Ш. Серра (конец 1810 г.). Его сменил Л. П. Э. Биньон. 31 декабря 1811 г. министр иностранных дел Ю. Б. Маре снабдил нового резидента инструкцией о функциях, которые должно было выполнять разведывательное бюро. В качестве первоочередной ставилась задача направить агентов на дороги: С.-Петербург – Вильно; С.-Петербург – Рига; Рига – Мемель; Москва – С.-Петербург. Для ведения разведки Х. Б. Маре разрешил ежемесячно тратить по 10–12 тыс. франков [Instrukcje (1): 485-487].

Резиденту Л. П. Э. Биньону удалось наладить взаимодействие с польским Генеральным штабом, при котором были введены должности высших офицеров для разведслужбы [Handelsman 1915: 225]. В итоге была создана разветвленная сеть агентов, которая действовала в России [Лукашевич 2012: 332-350].

В декабре 1810 г. Д. С. Дохтуров сообщал, что инженер генерал М. Гауке с 7 офицерами произвел обзор российской границы, занимаясь съемкой «достопримечательнейших местоположений». Кроме того, земли в районе Устилуга осматривали генерал-инспектор артиллерии и инженеров бригадный генерал Ж. Б. Пеллетье вместе с «генералом Окою» [Отечественная война (1): 312-314]. Летом 1811 г. от генерала «Косницкого» (вероятно, речь идет о начальнике штаба 1-го военного округа полковнике Ф. К. Коссецком, т. к. генерал А. Косинский в это время был в отставке) были посланы 3 офицера в пределы России «для осмотра и съемки» крепостей и их «мест расположения» [Отечественная война (5): 43; РГВИА: 441].

О том, насколько эффективно действовала польская разведка, свидетельствуют показания Штара. В марте 1812 г. он сообщал, что «о числе и расположении наших войск имеют там довольно хорошие известия и знают даже поименно почти всех генералов и где который квартиру имеет» [Отечественная война (7): 133-136].

Подводя итог положению дел в Княжестве Варшавском накануне войны 1812 г., невольно можно согласиться со словами автора аналитической записки, в которой отмечалось, что «гражданская, и воинская части в Герцогстве так устроены, что все желают перемены и

войны, от которой надеются выигрышу, ибо терять ничего не остается» [Отечественная война (5): 157; Отечественная война (3): 322].

Таким образом, полученные сотрудниками разведки в 1810–1812 гг. сведения о Княжестве Варшавском достаточно точно отражали все этапы подготовки наполеоновской Франции к предстоящей войне. Наиболее полные данные агентам удалось собрать о польских вооруженных силах: дислокации, численном и командном составе, способах комплектования, обеспечении вооружением и продовольствием, строительстве крепостей. Анализ разведанных относительно политических настроений в этом вассальном государстве свидетельствовал о том, что ради возрождения Польского королевства население Княжества Варшавского готово было пожертвовать очень многим, а потому польские части в будущей войне предстанут серьезным противником.

Список источников и литературы

- АВПРИ** – Архив внешней политики Российской империи Министерства иностранных дел Российской Федерации. Ф. 79. Сношения России с Польшей. Оп. 79/6. 1809 г. Д. 1879.
- Лукашевич 2012** – Лукашевич А. М. Западный пограничный регион в военно-стратегических планах Российской империи (конец XVIII в. – 1812 г.): в 3 кн. Минск: ИВЦ Минфина, 2012. Кн. 1: Политическая ситуация по данным служб разведки и контрразведки. 359 с., [8] л. цв. ил.
- Отечественная война (1)** – Отечественная война 1812 года: материалы Военно-ученого архива Главного штаба. Отд. I. Переписка русских правительственных лиц и учреждений: в 21 т. Т. I. Ч. II. Входящая переписка генерала Барклая де Толли / под ред. Мышлаевского. СПб.: Издание Воен.-ученого комитета Гл. Штаба, 1900. XII, 349, XXXVII с.; 2 л. илл., карт.
- Отечественная война (2)** – Отечественная война 1812 года: материалы Военно-ученого архива Главного штаба. Отд. I. Переписка русских правительственных лиц и учреждений: в 21 т. Т. II. Подготовка к войне в 1811 г. (январь – май месяцы) / под ред. Мышлаевского; сост. Перевощиков и Иванов. СПб.: Издание Воен.-ученого комитета Гл. Штаба, 1901. XIII, 357, LI с.; 1 табл.
- Отечественная война (3)** – Отечественная война 1812 года: материалы Военно-ученого архива Главного штаба. Отд. I. Переписка русских правительственных лиц и учреждений: в 21 т. Т. IV. Подготовка к войне в 1811 г. (июль – август месяцы) / ред. Воен.-учен. архива Гл. штаба. СПб.: Издание Воен.-ученого комитета Гл. Штаба, 1903. XI, 334, LXI с.; 2 л. табл.
- Отечественная война (4)** – Отечественная война 1812 года: материалы Военно-ученого архива Главного штаба. Отд. I. Переписка русских правительственных лиц и учреждений: в 21 т. Т. V. Подготовка к войне в 1811 г. (сентябрь – октябрь месяцы). СПб.: Издание Гл. штаба, 1904. XV, 341, XXX с.
- Отечественная война (5)** – Отечественная война 1812 года: материалы Военно-ученого архива Главного штаба. Отд. I. Переписка русских

правительственных лиц и учреждений: в 21 т. Т. VII. Подготовка к войне в 1811 г. (декабрь месяц; документы без дат). СПб.: Издание Гл. управл. Ген. штаба, 1907. XIV, 342, XXXV с.

Отечественная война (6) – Отечественная война 1812 года: материалы Военно-ученого архива Главного штаба. Отд. I. Переписка русских правительственных лиц и учреждений: в 21 т. Т. IX. Подготовка к войне в 1812 г. (февраль месяц). СПб.: Издание Гл. управл. Ген. штаба, 1908. XI, 192, XVI с.

Отечественная война (7) – Отечественная война 1812 года: материалы Военно-ученого архива Главного штаба. Отд. I. Переписка русских правительственных лиц и учреждений: в 21 т. Т. X. Подготовка к войне в 1812 г. (март месяц). СПб.: Издание Гл. управл. Ген. штаба, 1908. XV, 277, XLI с.

Отечественная война (8) – Отечественная война 1812 года: материалы Военно-ученого архива Главного штаба. Отд. I. Переписка русских правительственных лиц и учреждений: в 21 т. Т. XII. Подготовка к войне в 1812 г. (май месяц). СПб.: Издание Гл. управл. Ген. штаба, 1909. XXIII, 318, XXXIII с.; 2 л. табл.

РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 846. Военно-ученый архив. Оп. 16. Д. 436.

Сироткин 1966 – Сироткин В. Г. Дуэль двух дипломатий. Россия и Франция в 1801–1812 гг. М.: Наука, 1966. 208 с.

Федосова 1980 – Федосова Е. И. Польский вопрос во внешней политике Первой империи во Франции. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1980. 205 с.

Шильдер 1905 – Шильдер Н. К. Император Александр Первый, его жизнь и царствование: в 4 т. Изд. 2-е. СПб.: А. С. Суворин, 1904–1905. Т. 3. 1905. 569 с.

Grochulska 1966 – Grochulska B. Księstwo Warszawskie. Warszawa: PAN, 1966. 214 s.

Handelsman 1915 – Handelsman M. Rezydency napoleońscy w Warszawie. 1807–1813. Kraków: Akademia Umiejętności, 1915. VIII. 349 s.

Instrukcje (1) – Instrukcje i depesze rezydentów francuskich w Warszawie 1807–1813 / wydał Marcełi Handelsman: w 2 t. Kraków: Akad. Umiejęt., 1914. Т. 1. XC, 489 s., 1 facs.

Instrukcje (2) – Instrukcje i depesze rezydentów francuskich w Warszawie 1807–1813 / wydał Marcełi Handelsman: w 2 t. Kraków: Akad. Umiejęt., 1914. Т. 2. 705, /1/ s.

References

AVPRI – Arhiv vneshnej politiki Rossijskoj imperii Ministerstva inostrannyh del Rossijskoj Federacii. F. 79. Snosheniya Rossii s Pol'shej. Op. 79/6. 1809 g. D. 1879.

Lukashevich 2012 – Lukashevich A. M. Zapadnyj pogranichnyj region v voenno-strategicheskikh planah Rossijskoj imperii (konec XVIII v. – 1812 g.): v 3 kn. Minsk: IVC Minfina, 2012. Kn. 1: Politicheskaya situaciya po dannym sluzhb razvedki i kontrrazvedki. 359 s., [8] l. cv. il.

Otechestvennaya vojna (1) – Otechestvennaya vojna 1812 goda: materialy Voennouchenogo arhiva Glavnogo shtaba. Отд. I. Perepiska russkih pravitel'stvennyh

lic i uchrezhdenij: v 21 t. T. I. CH. II. Vhodyashchaya perezpiska generala Barklajda de Tolli / pod red. Myshlaevskogo. SPb.: Izdanie Voenn.-uchenoogo komiteta Gl. Shtaba, 1900. XII, 349, XXXVII s.; 2 l. ill., kart.

Otechestvennaya vojna (2) – Otechestvennaya vojna 1812 goda: materialy Voenn.-uchenoogo arhiva Glavnogo shtaba. Otd. I. Peregiska russkih pravitel'stvennyh lic i uchrezhdenij: v 21 t. T. II. Podgotovka k vojne v 1811 g. (yanvar' – maj mesyacy) / pod red. Myshlaevskogo; sost. Perevoschikov i Ivanov. SPb.: Izdanie Voenn.-uchenoogo komiteta Gl. Shtaba, 1901. XIII, 357, LI s.; 1 tabl.

Otechestvennaya vojna (3) – Otechestvennaya vojna 1812 goda: materialy Voenn.-uchenoogo arhiva Glavnogo shtaba. Otd. I. Peregiska russkih pravitel'stvennyh lic i uchrezhdenij: v 21 t. T. IV. Podgotovka k vojne v 1811 g. (iyul' – avgust mesyacy) / red. Voenn.-uchen. arhiva Gl. shtaba. SPb.: Izdanie Voenn.-uchenoogo komiteta Gl. Shtaba, 1903. XI, 334, LXI s.; 2 l. tabl.

Otechestvennaya vojna (4) – Otechestvennaya vojna 1812 goda: materialy Voenn.-uchenoogo arhiva Glavnogo shtaba. Otd. I. Peregiska russkih pravitel'stvennyh lic i uchrezhdenij: v 21 t. T. V. Podgotovka k vojne v 1811 g. (sentyabr' – oktyabr' mesyacy). SPb.: Izdanie Gl. shtaba, 1904. XV, 341, XXX s.

Otechestvennaya vojna (5) – Otechestvennaya vojna 1812 goda: materialy Voenn.-uchenoogo arhiva Glavnogo shtaba. Otd. I. Peregiska russkih pravitel'stvennyh lic i uchrezhdenij: v 21 t. T. VII. Podgotovka k vojne v 1811 g. (dekabr' mesyacy; dokumenty bez dat). SPb.: Izdanie Gl. upravl. Gen. shtaba, 1907. XIV, 342, XXXV s.

Otechestvennaya vojna (6) – Otechestvennaya vojna 1812 goda: materialy Voenn.-uchenoogo arhiva Glavnogo shtaba. Otd. I. Peregiska russkih pravitel'stvennyh lic i uchrezhdenij: v 21 t. T. IX. Podgotovka k vojne v 1812 g. (fevral' mesyacy). SPb.: Izdanie Gl. upravl. Gen. shtaba, 1908. XI, 192, XVI s.

Otechestvennaya vojna (7) – Otechestvennaya vojna 1812 goda: materialy Voenn.-uchenoogo arhiva Glavnogo shtaba. Otd. I. Peregiska russkih pravitel'stvennyh lic i uchrezhdenij: v 21 t. T. X. Podgotovka k vojne v 1812 g. (mart mesyacy). SPb.: Izdanie Gl. upravl. Gen. shtaba, 1908. XV, 277, XLI s.

Otechestvennaya vojna (8) – Otechestvennaya vojna 1812 goda: materialy Voenn.-uchenoogo arhiva Glavnogo shtaba. Otd. I. Peregiska russkih pravitel'stvennyh lic i uchrezhdenij: v 21 t. T. XII. Podgotovka k vojne v 1812 g. (maj mesyacy). SPb.: Izdanie Gl. upravl. Gen. shtaba, 1909. XXIII, 318, XXXIII s.; 2 l. tabl.

RGVIA – Rossijskij gosudarstvennyj voenno-istoricheskij arhiv. F. 846. Voenn.-uchenyj arhiv. Op. 16. D. 436.

Sirotkin 1966 – Sirotkin V. G. Duel' dvuh diplomatij. Rossiya i Franciya v 1801–1812 gg. M.: Nauka, 1966. 208 s.

Fedosova 1980 – Fedosova E. I. Pol'skij vopros vo vneshnej politike Pervoj imperii vo Francii. M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 1980. 205 s.

Shil'der 1905 – Shil'der N. K. Imperator Aleksandr Pervyj, ego zhizn' i carstvovanie: v 4 t. Izd. 2-e. SPb.: A. S. Suvorin, 1904–1905. T. 3. 1905. 569 s.

Grochulska 1966 – Grochulska B. Księstwo Warszawskie. Warszawa: PAN, 1966. 214 s.

Handelsman 1915 – Handelsman M. Rezydency napoleońscy w Warszawie. 1807–1813. Kraków: Akademia Umiejętności, 1915. VIII. 349 s.

Instrukcje (1) – Instrukcje i depesze rezydentów francuskich w Warszawie 1807–1813 / wydał Marcełi Handelsman: w 2 t. Kraków: Akad. Umiejęt., 1914. T. 1. XC, 489 s., 1 facs.

Instrukcje (2) – Instrukcje i depesze rezydentów francuskich w Warszawie 1807–1813 / wydał Marcełi Handelsman: w 2 t. Kraków: Akad. Umiejęt., 1914. T. 2. 705, /1/ s.

УДК 94(470):94(497.1)"1804/1813":372.893:371.671.11

DOI 10.26170/2413-872X_2021_24_10

Код ВАК 07.00.03

И. О. Марченко

СОТРУДНИЧЕСТВО ПОВСТАНЦЕВ БЕЛГРАДСКОГО ПАШАЛЫКА И РОССИИ 1804–1813 ГГ. В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ СОВРЕМЕННОЙ СЕРБИИ

Статья посвящена выявлению специфики и основных тенденций, связанных с использованием образа русско-сербских отношений во время Первого сербского восстания 1804–1813 гг. в образовательном пространстве современной Сербии. Автор раскрывает особенности изучения истории русско-сербских отношений в 1804–1813 гг. в рамках учебного процесса в Сербии. Проанализировав школьную учебную литературу, автор наблюдает тенденцию к положительной оценке сотрудничества сербов с русскими во время восстания. Вместе с тем сетевому контенту свойственна доля субъективности, что может привести к искажению отдельных исторических сюжетов. Автор приходит к выводу, что в целом в образовательном пространстве складывается положительное представление об образе русской помощи сербам и о характере русско-сербского сотрудничества во время восстания.

Ключевые слова: Первое сербское восстание; русско-сербские отношения; историческая память; учебники истории; исторические образы; образовательное пространство; медиа-память; историческая память; методика преподавания истории; учебные материалы.

Сведения об авторе: Марченко Иван Олегович, магистрант 1 года обучения кафедры всеобщей истории и методики преподавания исторических дисциплин, Уральский государственный педагогический университет; 620091, Россия, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26; учитель истории и обществознания, МАОУ гимназия № 120; 620142, Россия, г. Екатеринбург, ул. Степана Разина, 71; e-mail: jovan97markovic@gmail.com.

Ivan O. Marchenko

COOPERATION OF REBELS OF THE PASHALIK OF BELGRADE AND RUSSIA OF 1804–1813 IN THE EDUCATIONAL SPACE OF MODERN SERBIA